

МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ И ИСТОРИОГРАФИЯ

УДК 930.2

Н.В.Сапожникова
Нижевартовск, Россия

N.V.Sapozhnikova
Nizhnevartovsk, Russia

ПРОШЛОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА И НАСТОЯЩЕЕ В ЧЕЛОВЕКЕ: МЕЖДУ «НЕГАЦИОНИЗМОМ» И ПАМЯТЬЮ, МЕТОДОЛОГИЕЙ И ИСТОРИЧЕСКОЙ «ЛЕНТОЙ МЁБИУСА»

THE PAST OF HUMANITY AND THE PRESENT IN HUMANS: DENIALISM VS. MEMORY, METHODOLOGY VS. HISTORICAL «MÖBIUS STRIP»

Аннотация. Осмысление места и роли исторической памяти и методологии истории в условиях глобализации в исторической науке и человеческой судьбе.

Ключевые слова: историческая память; исторический генофонд поколений; методология истории.

Сведения об авторе: Сапожникова Наталия Васильевна, доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор кафедры истории России.

Место работы: Нижевартовский государственный университет.

Abstract. Understanding the place and role of historical memory and methodology of history in the historical science and human destiny set in the age of globalization.

Key words: historical memory; historical «gene pool» of generations; methodology of history.

About the author: Natalia Sapozhnikova, Doctor of Philosophical Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor at the Department of History of Russia.

Place of employment: Nizhnevartovsk State University.

Контактная информация: 628605, Ханты-Мансийский округ — Югра, г. Нижневартовск, ул. Ленина, д. 56; тел.: (3466)273510.

E-mail: roshist@mail.ru

Как известно, для обнаружения часового механизма, отсчитывающего время до взрыва, объявляется минута тишины. История также нуждается в подобной «хроно-рекогносцировке» и остановке на мгновение все ускоряющегося бега человечества по «цивилизационному кругу». В 1895 г. в Петербурге вышел перевод книги знаменитого венского психиатра Рихарда фон Крафт-Эбинга «Наш нервный век. Популярное сочинение о здоровых и больных нервах». Автор в мрачном свете оценивал настоящее и будущее цивилизации, научно-техническое развитие которого виделось ему причиной необратимо пагубных для личности последствий. Свой прогноз по этому поводу много позже дал поэт Андрей Вознесенский: «Все прогрессы реакционны, если рушится человек» [3. С. 39].

Наш современник «размагничен» иллюзией всемогущества и власти над природой, которая становится «нано-пробирочной» и генно-модифицированной. Удаляясь по «эллипсоидной дуге» истории от истинного своего предназначения в контексте «формулы» Василия Великого, человечеству необходимо помнить о том, что «Бог стал Человеком, чтобы Человек стал Богом» с ответственностью за каждый совершенный шаг. Специфическим «шагометром» является историческое прошлое. И «нет ничего греховнее предательства памяти. Когда человечество забывает историю, подлинную историю, а не придуманную ленивыми неудачниками от политики, карликами, лишенными интеллигентности, тогда начинается болото, гниение, застой», — был убежден писатель Юлиан Семенов [5. С. 481].

Говоря о таинстве человеческой памяти, Аврелий Августин (354—430) в «Исповеди» восклицал: «Велика сила памяти; не знаю, Господи, что-то внушающее ужас есть в многообразии ее бесчисленных глубин. И это моя душа, это я сам» [2. С. 8]. Хотя вопрос «исторического баланса», обращенный к сегодняшнему дню — «как не стереть историю», упиваясь иллюзией свободного полета «воздушного шарика объективности» [1], — как никогда актуализирован. Человек оказался по-настоящему беззащитным перед Прошлым, которое имеет власть не только над его личной судьбой, но «смыслом и предназначением

истории» в жизни целых поколений. Восторгаясь таинством глубин необъятного Космоса, мы забываем, используя компьютерную лексику, ту историческую «материнскую плату», которая и позволила России состояться «здесь и сейчас».

Исследовательские резервы исторического познания в современных условиях реформирования высшей школы России оказались парадоксально свернуты, а сама история востребована лишь в качестве одной из форм риторико-идеологической прагматики, время от времени ангажируемой политическим заказом. Формирование «логистик — идеологем» исторической трансформации российской государственности — от царской империи к советской, российской федеративной модели с тенденцией возврата к самодержавной — уже не кажутся столь вызывающе спорными. Это скорее «рабочий момент» дискуссионного обсуждения вопроса политической эволюции де-факто с его «pro et contra».

Как показывает опыт, в российской истории возможно абсолютно все. В том числе разноплановость оценок «с точностью до наоборот» как роли личности, так и форм ее историко-политологической идентичности и способов исторической презентации в рамках осовремененного концептуального многообразия, заимствованного у прошлых эпох с их мurosистемностью, неоевразийством, неоконсерватизмом, россиицентризмом, вплоть до русской евгеники и т.п.

Данная ситуация напоминает эффект «ленты Мебиуса» с существованием точки «возврата на круги своя» вновь и вновь. Геополитическое позиционирование нового евразийского образа России начала третьего тысячелетия в его зазеркальной проекции между Западом и Востоком с неизбежностью актуализирует плехановский «слоган» XIX века: «От какого наследства мы отказываемся». В крайне противоречивых условиях развития осовремененного, но по сути все еще традиционного российского общества с его негационизмом по отношению к собственному прошлому и настоящему вновь заявила о себе проблема определения места и роли исторической науки с мнимой ее «ущербностью в части научной объективности». Вопрос лишь в том, как бы «восстановленный» научным невежеством очередной «исторический баланс» не привел в условиях глобализации к новому разрушительному безвременью с непредсказуемыми его итогами.

Между тем «прошедшее» обнаруживает свое «присутствие в настоящем» в виде определенной «перекодировки» коллективной памяти с сохранением письменных свидетельств о нем в форме аутентичных документальных материалов, либо создаваемых по «отсроченным» событийно-временным следам с ретроспективной дистанцией в «одну человеческую жизнь» асинхронных воспоминаний и мемуаров. Эти источники соседствуют с «синхронными» дневниками, записками и письмами, где авторская наблюдательность соседствует с избирательной оригинальностью отношения к фиксируемым фактам, событиям, именам, настроениям, морально-этическим установкам, порой становясь «анамнезом» не только прошлого, но и будущего. Знаменитый русский советский писатель и литературовед Виктор Шкловский (1893—1984), получив запрет любимой им женщины «писать о любви», в своей книге «Зоо, или Письма не о любви, или Третья Элоиза» в «зоосаде» человеческих страстей, характеров, судеб русской эмиграции знаменитой «эпохи 1922 года» воссоздает проекцию потерявшейся в хаосе разбалансированного «не-любовью» мира неприкаянной человеческой души, которой именно «эпистолярный ритм» существования позволяет быть услышанной на отдаленной временной проекции.

Французский методолог М.Эмар когда-то справедливо замечал, что история должна быть открыта для всех направлений мысли и гипотез, выдвигаемых другими дисциплинами, которые тоже изучают общество. А ее методы, так же как и способы постановки вопросов, подчеркивал он, должны быть в значительной степени обновлены [6. С. 15]. И хотя эти позиции были заявлены еще в середине 1990-х гг., до сего дня они все столь же актуальны и злободневны. Равно как и понимание значимости обогащения методологической палитры и экспертно-аналитического инструментария с использованием комплекса методов исторического анализа с неизбежным расширением сознания самого исследователя, активацией его

эвристического интереса к жизни, способного работать с информацией, которая не всегда может быть получена через прямой контакт с текстом, требуя психолингвистической и герменевтической интерпретаций.

Сегодня пришло понимание смысловой и денотативной многомерности самих источников, важности сочетания многих их видов, особенно тех, которые обойдены вниманием традиционной (тотальной) истории. Поэтому особое внимание следует уделять нетрадиционным направлениям исследования — микро- и устной истории со специфическим источниковым багажом, где причинность (каузальность) нельзя просто постулировать — ее следует доказательно искать, не забывая, по словам Ле-Гоффа, что такое человечность. В том числе, сквозь призму ментальности, изменчивой как сама жизнь, а с другой стороны — достаточно устойчивой константы моделей исторического поведения, эмоций и настроений, опирающихся на глубинные основы социальной психологии, присущие данному обществу, данной культурной традиции в данной хронопроекции. Это до известной степени оказалось приближено к понятию «историческая картина мира». Хотя сегодня наука отошла от унификационного ее единства, ведя речь о множественной вариабельности, в том числе на уровне методологии познания и методов исследования, включая синергетику, семиотику, семантику, антропологическую и историческую психолингвистику. Сами слова, настаивал один из «столпов» «Школы Анналов» Л.Февр, насыщены человеческой сутью. И у каждого из этих слов — своя история, каждое в разные эпохи звучит по-разному.

В свою очередь это создает определенные трудности методологического порядка с относительной размываемостью понятийного аппарата самой исторической науки (методология, эпистемология, позитивизм, постпозитивизм, синхронизация, асинхронизация и т.д.); появлением новых предметных областей научного интереса (например, ментальности «бесмолвствующего большинства»; смысловой и поведенческой «исторической логистики»; исторической конфликтологии); проблемой обработки колоссального массива накопленных нарративных источников и его систематизации. Да и сам характер русской истории с его прерывистостью и дискретностью (Н.Бердяев) предполагает «новое прочтение» так называемого «описательного метода» (который нередко в среде историков ассоциируется с примитивизацией исследовательского подхода!) как «опыта “густой” интерпретации» источника с подлинной игрой смыслов, аргументационной доказательностью приемов ситуационной и текстовой аналитики. Это позволяет надеяться не только на успешный поиск так называемой «оптимальной методологии», но и сохранение генофонда методу. Особенно военной истории.

Обнадеживает то, что задача формирования «общенационального банка исторической памяти» в части сбора и уточнения истинной численности жертв Великой Отечественной войны была публично заявлена в конце 2013 г. центральным каналом российского ТВ в форме прямого обращения к населению с указанием адресного интернет-портала. Поэтому вышеназванный телепроект, пусть и с опозданием, решает принципиально важные историко-цивилизационные задачи — ответственности потомков перед Историей предков и Памятью о них. К сожалению, до сего дня (а прошло уже почти 70 лет после Великой Победы!) все еще существуют в истории «закрытые темы», в том числе история советских штрафных подразделений в годы Великой Отечественной войны. И это было вновь повторено с экранов центрального телеканала 9 мая 2014 года.

И в этом плане переплетение человеческих судеб порой становится наглядной демонстрацией механизма развертывания исторической детерминанты на уровне все той же «ленты Мёбиуса», столь причудливо подтверждающей, что История, как хорошая хозяйка, со временем, действительно, ВСЁ расставляет на свои места. Именно так произошло в судьбе известного ученого-психолога, академика Л.А.Китаева-Смыка¹, когда-то первым испытавшего на себе действие барокамеры в космическом Звездном городке и давшего

¹ Автору статьи посчастливилось познакомиться с Л.А.Китаевым-Смыком и общаться с ним в Переделкино в 2002 г.

научное описание психических состояний человека в условиях невесомости. Ему принадлежит опубликованный в Интернете доклад «Прозрения войны: мудрец из Коктебеля», подготовленный для Международной научно-практической конференции «Мой дом открыт навстречу всех дорог...» к столетию Дома поэта Максимилиана Волошина в Коктебеле (7—13 сентября 2003 г. Крым, Украина) [4].

В своем выступлении Леонид Александрович привел поразительный пример из истории своей семьи. В 1920 г. его отец Александр Смык был комиссаром 1-й Конной армии, участвовавшей в освобождении Крыма и разгроме «Русской Армии» барона Врангеля. Согласно служебному регламенту, он иногда замещал председателя «тройки» военного трибунала в Ялте. В расстрельных списках он увидел фамилию известного писателя Викентия Вересаева и приказал привести к себе. Во время их беседы, продолжавшейся два с половиной часа, отец вычеркнул из списков это имя. Жизни еще 39 человек, в том числе поэта Серебряного века Максимилиана Александровича Кириенко-Волошина, по его рекомендации были также спасены. За это «преступление» (как и за то, что «упустил» задержанного по секретному приказу ЧК «батьку» Махно Н.И., армия которого сыграла решающую роль в освобождении Крыма) уже сам А.Смык был приговорен к расстрелу «тройкой» военного трибунала. Его боевые друзья добились, чтобы из Москвы пришло распоряжение отконвоировать подозреваемого для доследования «преступной» деятельности в г.Ростов-на-Дону, где конвоиров ждала телеграмма из Москвы: «Конвой поступает в распоряжение А.Смыка». Он отослал своих конвоиров обратно в Крым, а сам поехал в Москву.

Однако железнодорожное движение оказалось полностью парализованным. Среди воинских эшелонов оказался и бронепоезд Красной Армии. Воспользовавшись этим, отряды донских казаков лихого атамана Николая Шавского напали на эшелоны. Взяв командование на себя, А.Смык приказал сбросить с одной железнодорожной колеи стоявшие впереди вагоны и пустить по ней свой бронепоезд, который смог своевременно отбить казачий набег атамана. Леонид Александрович Китаев-Смык попросил прощения у жертв крымского террора и их потомков за своего отца. Самое удивительное, что у правнуков Александра Смыка, «отпрыска запорожцев», прапрадедушкой по материнской линии оказался тот самый разудалый казачий атаман Николай Шавской: спустя десятилетия потомки Н.И.Шавского и А.Е.Смыка оказались породненными. «Лента Мёбиуса», описав очередную «методологическую петлю», восстановила историческое равновесие. В российской истории и человеческих судьбах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ананченко А. История опасна, как ядерная физика // Профиль. Еженедельный журнал. 2008. № 32 (587).
2. Бердинских В. Ремесло историка в России. М., 2009.
3. Буянов М.И. Беседы о детской психиатрии: Книга для учителя. М., 1986.
4. Китаев-Смык Л.А. Прозрения войны: мудрец из Коктебеля. URL: <http://www.kitaev-smyk.ru/node/47>.
5. Семенов Ю. Экспансия П. М., 1994.
6. Эмар Э. Образование и научная работа в профессии историка: современные подходы // Исторические записки. Теоретические и методологические проблемы исторических исследований. М., 1995. Вып. 1 (119).